

Луков Вал.А., Луков Вл.А., Захаров Н.В.
Институт фундаментальных и прикладных исследований
Московского гуманитарного университета
E-mail: lokoff@mail.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЦЕННОСТЕЙ

В статье говорится о ценностных ориентациях как существенной стороне тезауруса; рассмотрены тенденции изменений в ценностных ориентациях студенческой молодежи, дан анализ концепта «ценность».

Ключевые слова: ценностные ориентации, студенческая молодежь, нравственная ориентация, аксиологический потенциал, концепт

Под ценностными ориентациями мы понимаем существенные стороны тезауруса, а именно: направленность субъекта (личности, группы, сообщества) на цели, осознаваемые им позитивно значимыми (благими, правильными, высокими и т. п.) в соответствии с принятыми в обществе (сообществе) образцами и имеющимся жизненным опытом и индивидуальными предпочтениями. Такая направленность представляет собой совокупность устойчивых мотивов, лежащих в основе ориентации субъекта в социальной среде и его оценок ситуаций. Она может осознаваться в разной степени, выражаться в фактах поведения, веры, знания и иметь форму стереотипа, суждения, проекта (программы), идеала, мировоззрения. При этом из направленности на признаваемые позитивными жизненные цели не следует автоматически активных действий субъекта по их достижению в реальной действительности.

Исследование ценностных ориентаций в России велось с середины 1960-х годов, когда появились теоретические работы психолога Б. Г. Ананьева, социологов А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова и др., а также эмпирические исследования, крупнейшим из которых стало социологическое и социально-психологическое исследование ценностных ориентаций рабочих (в том числе и молодых), выполненное ленинградскими учеными под руководством В. А. Ядова в начале 1970-х годов¹. В советское вре-

мя изучение ценностных ориентаций молодежи в значительной мере было направлено на выявление их соответствия коммунистическому идеалу, социалистическому образу жизни². В период перестройки (1985–1991 гг.) поле проблем заметно расширилось за счет исследований неформальных молодежных объединений (фактически это был путь к переходу к изучению молодежных субкультур). Наконец в последние 15 лет ценностные ориентации российской молодежи стали исследоваться немалым числом отдельных ученых и научных коллективов. Ситуация смены общественного строя и «переоценки ценностей» в масштабе целой страны подтолкнула ученых к осмыслению трансформаций ценностных ориентаций россиян. Большое научное значение имеет крупное исследование динамики ценностных ориентаций россиян, проведенное под руководством Н. И. Лапина³. В последние 15 лет в России проведены десятки эмпирических исследований, защищены несколько сотен диссертаций по проблемам ценностных ориентаций молодежи⁴. Правда, нередко масштабы таких исследований, их методическая корректность и возможности сопоставления данных остаются предметом критики.

Мы рассмотрим тенденции изменений в ценностных ориентациях студенческой молодежи, которые зафиксированы на эмпирическом уровне. Однако для начала установим, в

¹ Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 22, 57.

² См.: Шендрик А. И. Духовная культура советской молодежи: сущность, состояние, пути развития. М.: Мол. гвардия, 1990.

³ См.: Лапин Н. И., Беяева Л. А. (отв. ред.) Динамика ценностей населения реформируемой России М.: Эдиториал УРСС, 1996.

⁴ Сведения о них содержатся в работе: Журавлева Н. А. Указ. соч. С. 258–315.

чем теоретический смысл исследования ценностных ориентаций, в чем суть ценностного аспекта молодежных исследований.

Ценности: проблемы теории

Напомним, что в понятийный словарь гуманитарных наук термин «ценность» был введен Рудольфом Лотце, для которого ценность существует лишь в ее значимости для субъекта и в то же время объективна, обладая общезначимостью для индивидов. Как указывал Г. Риккерт, «Лотце хотел не только «исчислять» мир, но также и «понимать» его»⁵, иначе говоря, новая категория увязывалась в философии с проблемой понимания. Уже Лотце отметил двойственность ценности, ее субъективно-объективную природу. В последующих трактовках этой категории подчеркивалась то субъективность ценности, то ее объективность. Объективистская трактовка ценности воплотилась в диспозициональной концепции личности Гордона Олпорта, в 1930–1960-е годы разработавшего «тест изучения ценностей». В российской социологии диспозиционную концепцию личности предложил В. А. Ядов, и она принята многими исследователями.

На современных российских исследователей ценностей и ценностных ориентаций немалую роль оказали работы О. Г. Дробницкого⁶, в последнее время заметны следы подходов, принятых в свое время классиками Чикагской социологической школы⁷. В ходе исследования ценностей как теоретической проблемы ученые разных стран, представители различных научных школ высказали немало оригинальных идей, позволяющих говорить о достаточно высоком уровне ее разработки. Развитие теории ценностей ожидается в направлении уточнений, которые вносит в нее сама жизнь, а именно ситуация переходного периода и рождения нового типа цивилизации — информационной, и в направлении применения к исследованию новых научных

методов, формирующихся в последнее время. В ряде случаев необходимо заново пройти путь самых общих рассуждений, чтобы определиться с исходными позициями эмпирического исследования.

Специфика гуманитарного знания⁸, предполагает, что используемая в нем терминология подчиняется по ряду параметров другим правилам в сравнении с терминологией так называемых точных наук. Здесь возможна многозначность терминов и, более того, историческая изменчивость их содержания, поэтому оказывается существенной история их возникновения и понимания разными научными школами. В сущности, в большинстве случаев в гуманитарном знании ученый имеет дело вовсе не с терминами, а с *концептами*, то есть со словами, в которых помимо некоего содержания присутствует еще и возникающий в сознании образ, который, в свою очередь, вызывает ту или иную эмоциональную реакцию. Концепты, в отличие от терминов, трудно перевести на другой язык, они несут отпечатки истории языка и культуры, что приводит к сложностям в понимании гуманитарных концепций, созданных в разных странах: одни и те же концепты в них редко бывают абсолютно идентичными.

Именно таким концептом оказывается понятие «ценность». Оно в русском языке восходит к прилагательному «ценный», которое образовано от существительного «цена». Этимология этого общеславянского слова раскрывается в сравнении с авестийским казпв — «мечь», первоначально оно значило «возмездие, воздаяние» (ср. глагол «каяться»), затем «штраф», наконец — «стоимость чего-либо»⁹. Если обратиться к словарю В. И. Даля, фиксирующему употребление слова «цена» и производных от него в XIX веке, становится ясно, что слово «ценность» в то время еще не занимает заметного места в русском языке, определяется «как свойство по прилагательному»¹⁰.

⁵ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 336.

⁶ См.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов: Проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967; Он же. Ценность // Философская энциклопедия. М.: Сов. Энциклопедия, 1970. Т. 5.

⁷ См.: Thomas W. I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Boston: Richard G. Badger, 1918. Vol. I.

⁸ См.: Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке / Под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006.

⁹ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Учпедгиз, 1961. С. 366.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ГИИНС, 1955. Т. 4. С. 578. (В соответствии со 2-м изд., 1882).

В новых европейских языках два значения ценности – как стоимости и как значимости – обычно разведены. Так, во французском языке есть слово *prix* – цена, ценность (в значении стоимости) и есть слово *valeur*, впервые зафиксированное в текстах 1080 г.¹¹, очевидно, от лат. *valeo* – быть здоровым, сильным, могущественным, которое и используется в научных текстах в значении «ценность». В английском – сходно: *price* и *value* (*valuables*), в немецком – *Kostbarkeit* (предмет) и *Wert* (понятие). Хотя английское *value* и немецкое *Wert* могут сопрягаться со значением «стоимость», но обычно не в прямом, а в переносном смысле. И все же вряд ли тезис Фридриха Ницше о «переоценке ценностей» означает то же самое, что такой же лозунг начал у Диогена. А тот же лозунг, произнесенный на русском языке и воспринятый русским культурным тезаурусом (упорядоченной совокупностью социокультурных ориентаций), означает нечто третье. Подчеркнем, что даже самые подробные разъяснения их значений в первоисточниках не могут отменить того факта, что «ценность» – не термин, а концепт, так что на эмоциональном, почти не осознаваемом уровне представитель русской культуры вкладывает в это слово некий дополнительный смысл, определяемый историей его бытования в российской среде.

И сегодня оно по-прежнему тесно связано с понятием цены, платы. Насыщение его инородным, пришедшим из западной философии содержанием происходит без опоры на собственную научную традицию его истолкования, которая начала складываться совсем недавно, поэтому в концепциях отечественных ученых-гуманитариев оно легко воспринимает смыслы, которые предлагают различные западные научные школы.

Тем не менее, можно выделить некий общий смысл, который соединяет исходное понимание ценности в русской культуре, насчитывающее много веков, и в какой-то мере его научные интерпретации, появившиеся в последние десятилетия: ценность – это все то, что дороже денег. Если это вещь, то за нее не жал-

ко отдать запрашиваемые деньги. Если это люди (родители, родственники, друзья, любимые, герои, кумиры и т. д.) или понятия (Родина, свобода, дружба, любовь, молодость, здоровье, искусство, наука и т. д.), то и в этом случае они относятся к ценностям, если воспринимаются как бесценные, то есть более значимые, чем любые деньги. Наконец, если сами деньги воспринимаются как ценность, они тоже становятся бесценными – утрачивают количественную сторону.

Эти аспекты мы учтем при обобщении данных, полученных в эмпирических исследованиях.

Российская молодежь в зеркале ее ценностных ориентаций

Многие социологические опросы последних 15 лет в своих выводах фиксируют общий ценностно-нормативный кризис у российской молодежи, который имеет характер переоценки культурных, этических и духовных ценностей предшествующих поколений. Полученные данные нередко трактуются как нарушение преемственности и передачи социокультурного опыта от старшего поколения к последующему¹². В этих выводах нашло отражение безвременье первых лет после распада СССР. В молодежной политике этого времени также заметно движение от жесткого регулирования к поддержке свободного самоопределения молодого человека, а в конечном счете – его опоры на собственные силы. Молодежь и молодежная политика оказались на периферии государственных интересов. Россия «ельцинского» периода была попросту не готова к борьбе со множеством новых для нее экономических, политических и социальных вызовов, и молодежь оказалась предоставленной сама себе.

В этот период резко падает в молодежной среде значение интегральных ценностей, дававших ориентиры в советское время. Приведем пример. Согласно данным исследования по политической культуре молодежи, проведенного в 1984 г. под руководством Е. Е. Леванова и А. И. Шендрика, от 60 до 84% молодых

¹¹ Robert P. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française (Le Petit Robert). P. : SNL, 1967. P. 1873.

¹² Карлухин О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения [<http://studlib.ru/article/a-84.html>]. [2006].

людей (по различным категориям молодежи) считали, что марксизм-ленинизм является единственным учением, в котором верно отражаются закономерности развития природы, общества и человека. Наибольшая доля так считающих отмечалась в группах опрошенных студентов вузов, творческой интеллигенции и молодых инженеров. Спустя пять лет в исследовании, данные которого приводит А. И. Шендрик, лишь 29% опрошенных молодых людей считали так же, 36% были с этим отчасти согласны, а 26% были убеждены, что это ошибочное утверждение¹³. Такие резкие и быстрые перемены в ориентировочных комплексах лишь частично отражают перемену в структуре ценностей (которая имела место в масштабах всего российского общества). В действительности исследования начала 1990-х годов отражают главным образом смену ценностных маркеров, другими словами — концептов, соотносимых с социальной нормой. В то же время базовые ценности передавались из поколения в поколение в достаточно устойчивых конфигурациях.

Исследования, в том числе и наши, показали, что при крайне малой доле тех молодых людей, которые позитивно оценивают коммунизм (эта доля отмечалась на уровне 2–5%), доля тех, кто согласен в позициях, атрибутивных для коммунизма (равенство в сфере распределения и потребления, следование принципу «от каждого по способностям — каждому по потребностям» и т. п.), гораздо больше, в некоторых случаях в десятки раз. Приведем в качестве примера данные общероссийского опроса Всероссийского центра исследований общественного мнения (ноябрь 1997 г.). Среди идей, которые, по мнению респондентов, смогли бы объединить российское общество, только 1,3% опрошенных назвали коммунизм (среди респондентов в возрасте до 29 лет — 0,9%). В то же время такой идеей 14,0% опрошенных (12,7% в молодежной группе) признали «равенство и справедливость», что в действительности следовало бы трактовать как прокоммунистическую ориентацию (Информация: результаты опросов, 1998). Из этого следует, что реакция на диск-

редитированный к тому времени в российском обществе маркер, выраженный словом «коммунизм», может не отражать ожиданий молодежи от общества и, следовательно, реальных ценностных ориентаций.

В исследованиях ценностных ориентаций молодежи важны те косвенные обстоятельства, которые отмечаются в прожективных вопросах. Значимый результат дают ответы на вопрос об ожиданиях от будущего. Эмпирические исследования показали, что большинство опрошенных надеются на избранную ими профессию, но считают, что в основном при выборе работы будут руководствоваться прагматическим подходом. Таковы, в частности, данные исследований, проведенных под руководством Б. А. Ручкина: 59,9% из числа 17-летних, 65,3% из числа 24-летних и 64,4% — 31-летних молодых россиян признали, что «большая зарплата» была решающим мотивом при выборе места работы. Тем не менее, найти работу самостоятельно надеялась только половина опрошенных (50,5%). Для большей уверенности в успешном трудоустройстве 51,4% — молодых людей стремились получить высшее образование, 30,4% — овладеть иностранным языком, 29,5% — компьютером, 27,7% — приобрести навыки работы в условиях рыночной экономики, 14,6% — получить правовую подготовку. Каждый четвертый из опрошенных молодых людей планировал после получения специальности организовать свое дело. Самыми престижными профессиями молодежь уверенно называла специализации менеджера и предпринимателя (16,6% и 27,7% соответственно), тем не менее, это не помешало 4,3% молодых людей включить в этот список бандитизм и рэкет¹⁴.

Косвенные данные о ценностных ориентациях молодежи в конечном итоге точнее показывают действительные предпочтения молодых людей, чем прямые вопросы о ценностях. Это, в частности, связано со свойствами изучаемой социальной группы, какую составляет молодежь. Если мы говорим о «переоценке ценностей», то это скорее позиция зрелых людей, имеющих определенный жизненный опыт, достаточно долго подвергавшихся соци-

¹³ Шендрик А. И. Указ. соч. С. 255.

¹⁴ Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. №5. С. 93.

ализационным воздействиям. Для молодежи характерно *становление* ценностно-нормативной системы, что означает действие иных механизмов, нежели в ситуации переоценки ценностей. В этом случае применяемые в российской социологии сопоставления ценностных шкал разных возрастных групп (включая молодежь) дают информацию о разнообразии ценностей, разделяемых в российском обществе, но не вполне адекватно фиксируют ценностный мир и стратегические предпочтения молодежи как таковой.

Мы в своих исследованиях студенческой молодежи фиксируем ценностные ориентации по ряду косвенных показателей, исходя из того, что студенчество находится в активной стадии вторичной социализации. Социализация представляет собой, по определению А. И. Ковалевой, «процесс становления и развития личности, состоящий в освоении индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющий индивиду функционировать в данном обществе»¹⁵ (Kovaleva 2003. P. 445). Это двусторонний процесс. Одна сторона его состоит в том, что общество постоянно в разных формах, разными способами и с разным эффектом задает личности ориентиры социально приемлемого поведения и мышления. Другая сторона процесса социализации — освоение индивидом этих организующих и ориентирующих его импульсов, идущих от общества. Итог социализации — это результирующая многих разнонаправленных воздействий. Но в период студенчества можно говорить лишь о некотором уровне социализации, достигнутом к этому времени, который подвергается изменению уже в силу того, что любая образовательная система непосредственно выступает в качестве института социализации. Кроме этого, в студенческие годы на личность начинает оказывать все большее влияние макросоциальная среда: она начинает осознаваться как существенная, как источник ориентаций и регулятор выбора жизненных позиций. Следовательно, и ценностные ориентации, во-первых, во

многом будут отражать принятые в обществе жизненные ориентиры, и, во-вторых, зависеть от актуальной ситуации и меняться, иногда значительно. В то же время ценностные ориентации достаточно автономны и могут передаваться от поколения к поколению не только и даже не столько в порядке прямого наследования (через семью), но и через сетевую коммуникацию в многообразных социальных общностях¹⁶.

Это, в частности, подтверждает мониторинговое исследование «Российский вуз глазами студентов» (научный руководитель проекта проф. И. М. Ильинский, руководитель IV–VI этапов проф. Вал. А. Луков), которое ведется Московским гуманитарным университетом с 2000 г. и ставит своей целью выявить важные характеристики нового для России типа образовательных учреждений — негосударственных вузов. В ходе исследования важно было установить, каковы проблемы этой новой подсистемы высшего образования, чего ей удастся добиться, где ее нереализованные ресурсы и в чем состоят перспективы ее развития. В рамках мониторинга сопоставляются две группы вузов — государственных и негосударственных, причем в обеих группах были представлены лучшие вузы Москвы, а на последних этапах — и более десяти других городов России.

В итоге удалось показать, что при всем различии состава студентов государственных и негосударственных вузов их отношение к учебе, удовлетворенность студенческой жизнью, включенность в жизнь вуза, уровень материальной обеспеченности, представление о перспективах и жизненных планах и главное: базовые ценности — имеют *сходную конфигурацию*. Эта конфигурация определяется особенностями социально-экономического положения, социокультурными процессами, общественными настроениями в стране.

Из исследования, которое не было специально посвящено анализу ценностных ориентаций студенчества, мы получили важный материал. Наиболее существенны индикаторы,

¹⁵ Ковалева А. И. Социализация // Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 445.

¹⁶ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100; Луков Вал. А. Воспитание как ответ на вызовы глобализации // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 106–109.

сформулированные в виде шкалы ответов на вопрос «Что для Вас означает хорошо жить?». В исследовании, проведенном в 2006 г. (N=3262), ответы студентов распределились следующим образом (см. табл. 1; сумма процентных показателей превышает 100%, поскольку была возможность выбирать несколько ответов).

Достижение *материальной обеспеченности* – наиболее распространенная в студенческой среде ценностная ориентация. Тем не менее, она не исчерпывает представления о «хорошей жизни», в отношении которой высока значимость ценностей «хорошей семьи» (73% по всей выборке), «хорошей работы» (71%), здоровья (71%), любви (65%). Эти ком-

Таблица 1. Распределение ответов студентов на вопрос: «Что для Вас означает хорошо жить?» (в%)

	Вся выборка	Москва		Регионы	
		Государственные вузы	Негосударственные вузы	Государственные вузы	Негосударственные вузы
быть материально обеспеченным	81,2	72,6	81,2	82,3	84,3
иметь хорошую работу	70,9	64,5	65,8	70,4	78,0
иметь хорошую семью	73,2	68,4	70,4	76,8	73,6
совсем не работать	2,2	1,7	5,3	1,3	1,5
иметь власть, занимать высокое положение в обществе	17,1	11,5	19,1	16,0	20,0
любить и быть любимым	64,7	65,0	62,7	70,1	60,1
быть здоровым	71,7	60,9	68,7	75,5	75,1
жить не для себя, а для людей	4,1	6,6	4,4	3,5	3,2
иметь хорошее образование	23,6	22,3	18,9	19,6	31,5
чувствовать себя защищенным, в безопасности	22,9	24,4	23,0	24,1	20,7
быть независимым, свободным	38,8	40,3	37,5	41,4	35,9

Таблица 2. Распределение ответов студентов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли сегодня достичь высокого положения в обществе благодаря честному, добросовестному труду?» (в%)

	Вся выборка	Москва	Регионы
да	46,3	40,7	51,1
нет	19,5	24,8	17,5
трудно сказать	34,2	34,5	31,4

Таблица 3. Распределение ответов студентов на вопрос: «Является ли сегодня высшее образование гарантией жизненного успеха?» (в%)

	Вся выборка	Москва	Регионы
да	24,4	21,9	26,4
нет	47,0	50,8	44,3
трудно сказать	28,6	27,3	29,3

Таблица 4. Распределение ответов студентов на вопрос: «Гордитесь ли Вы своей страной?», в%

	Вся выборка	Москва		Регионы	
		Государственные вузы	Негосударственные вузы	Государственные вузы	Негосударственные вузы
да	65,0	59,7	57,5	68,4	68,8
нет	10,3	13,5	13,9	7,6	9,3
затрудняюсь ответить	24,7	26,8	28,6	24,0	21,9

Таблица 5. Распределение ответов студентов на вопрос: «Если бы Вам предложили выгодный контракт, который предполагает выезд за границу на постоянное место жительства, Вы бы согласились?», в%

	Вся выборка	Москва		Регионы	
		Государственные вузы	Негосударственные вузы	Государственные вузы	Негосударственные вузы
да	47,0	41,2	44,6	49,6	48,8
нет	20,5	23,4	19,8	19,1	20,7
не знаю	32,5	35,4	35,6	31,3	30,5

поненты, по сути, и формируют сегодняшнее понимание счастья у молодежи, рисуют картину ожидаемого качества жизни в будущем.

У студентов региональных вузов больший уклон в ответах отмечается в духовную сторону их жизнедеятельности (семья, здоровье, любовь). При этом обе группы оценивают как менее значимый фактор наличие власти, хотя, казалось бы, образ богатого начальника, особенно в региональном понимании, все еще идентифицируется в массовом сознании со стабильностью и достатком. Обе группы стремятся к свободе и независимости, к безопасности и защищенности. Что касается альтруистических убеждений – жить не для себя, а для людей – то они хоть и присутствуют, но у совсем незначительной части студентов.

В отношении ценностей труда и образования некоторую картину рисуют данные, представленные в таблицах 2 и 3.

И в этом случае нас интересует не столько название ценностей и их иерархия, сколько постановка ценностей в контекст современной российской действительности. В конечном счете, это и есть путь к более точному отражению ценностных ориентаций. Подобным образом мы рассматриваем и проблему патриотических ценностей, избегая маркер «патриотизм» и выявляя проблемную ситуацию при сопоставлении ответов на два вопроса: «Гордитесь ли Вы своей страной?» и «Если бы Вам предложили выгодный контракт, который предполагает выезд за границу на постоянное место жительства, Вы бы согласились?». По сути, наличие достаточно большой доли положительных ответов и на первый, и на второй вопрос означает наличие определенного конфликта ценностных ориентаций (см. табл. 4 и 5). Поставленные в контексты ситуации в столице и регионах и перспектив реализации полученного образования, эти ответы можно считать индикаторами патриотических настроений в среде российского студенчества.

Представленные фрагменты исследования показывают, что студенты четырех групп вузов примерно в одинаковых пропорциях разделяются при выражении своих мнений, оценок, позиций, уровня политической ак-

тивности и т. д. Еще раз подтверждается, что обобщающее слово «студенчество» точно отражает действительность. В самом деле, исследованные 28 вузов России очень не похожи друг на друга. Но в студенческой среде устойчиво проявляется тенденция: хотя представлены разные, иногда диаметрально противоположные позиции, но в том, что касается ценностных ориентаций и социальных норм, распределение ответов различается главным образом по гендерному и возрастному основаниям, по характеру выбранной профессии, в некоторых случаях зависят от территориальной специфики (почему и введено у нас различие Москвы и регионов) и почти не связаны с правовым статусом вуза. Для российской образовательной системы это важно: до сих пор существует общественное предубеждение в отношении негосударственных вузов как образовательных институтов.

Студенчество московских и региональных вузов если и имеют различия в ценностных ориентациях, то совсем не в таких масштабах, чтобы говорить о пропасти, разделяющей столицу и провинцию. Для студенчества регионов больше свойственны патриотические устремления, намерение после окончания вуза работать по специальности, ожидание гарантированного вузом трудоустройства, несколько больший уровень оптимизма во взглядах на будущее и др. Но эти отличия, как правило, незначительны.

Исследования российской молодежи, проведенные в последнее десятилетие, показывают, что в новых условиях не произошло полного отторжения молодого поколения от российских культурно-исторических ценностей предшествующих поколений. Более того, можно предположить, что в условиях глобализации и власти СМИ, отражающих доминирующее положение американской культуры в современном мире и, безусловно, сказывающихся на российской молодежи, система ценностей в тезаурусах молодых россиян должна приобретать все более автономный характер, в такой форме выражающей стремление и возможность русского народа отстаивать свою самоидентичность.

18.01.2011

Список литературы:

1. Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке / Под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ГИИНС, 1955. Т. 4. С. 578. (В соответствии со 2-м изд., 1882).
3. Дробницкий О. Г. Ценность // Философская энциклопедия. М.: Сов. Энциклопедия, 1970. Т. 5.
4. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов: Проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967.
5. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 22, 57.
6. Карпухин О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения [<http://studlib.ru/article/a-84.html>]. [2006].
7. Ковалева А. И. Социализация // Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 445.
8. Лапин Н. И., Беляева Л. А. (отв. ред.) Динамика ценностей населения реформируемой России М.: Эдиториал УРСС, 1996.
9. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100.
10. Луков Вал. А. Воспитание как ответ на вызовы глобализации // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 106–109.
11. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 336.
12. Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. №5. С. 93.
13. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Учпедгиз, 1961. С. 366.
14. Шендрик А. И. Духовная культура советской молодежи: сущность, состояние, пути развития. М.: Мол. гвардия, 1990.
15. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française (Le Petit Robert). P. : SNL, 1967. P. 1873.
16. Thomas W. I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Boston: Richard G. Badger, 1918. Vol. I.

Сведения об авторах:

Луков Валерий Андреевич, проректор по научной и издательской работе – директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (ИФПИ МосГУ), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик-секретарь РС Международной академии наук (IAS, Инсбрук), академик Международной академии наук педагогического образования

Луков Владимир Андреевич, директор Центра теории и истории культуры ИФПИ МосГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик МАН (IAS, Инсбрук), академик-секретарь МАНПО

Захаров Николай Владимирович, заместитель директора ИФПИ МосГУ, доктор философии (PhD), кандидат филологических наук, академик МАН (IAS, Инсбрук), Ученый секретарь Шекспировской комиссии РАН